

Миф об уникальности ислама

Семед Семедов

Многие авторы, как в России, так и за рубежом, настаивают на “уникальности” ислама, в котором религия и политика являются единым целым. Считается, что только в исламе сферы религиозного и “нерелигиозного” неразрывно связаны. Ислам регулирует не только политическую жизнь, но и экономику, и повседневную жизнь человека.

“Традиционно ислам принято считать системой, регулирующей все аспекты жизни людей, как в этом, так и в потустороннем мире. Мусульманские теологи в качестве одной из коренных особенностей своего вероучения постоянно называли единство религии и политики. Вклад в формирование этой концепции, которая является в большей степени мифом, внесли и основатели идеологии политического ислама. Один из первых идеологов панисламизма Джемаль аль-Афгани (1839–1897 гг.), например, писал, что «проблема ислама отличается от проблемы христианства и иудаизма, поскольку ислам – это и религия, и государство, и цивилизация»¹.

Основатель организации “Братья-мусульмане” Хасан аль-Банна (1906–1949 гг.) полагал, что “в исламе исключен характерный для Европы конфликт между духовным и светским началами, между религией и государством... Христианская идея “Богу – Богово, кесарю – кесарево” здесь отсутствует, поскольку все принадлежит всемогущему Аллаху”¹.

“Ислам не похож на христианство, у которого нет правил относительно правления и администрации страны..., а если и были когда-то такие правила, то до нынешних христиан они не дошли”, – утверждал аятолла Хомейни².

Возникает впечатление, что специфика ислама в том, что он является не столько **ортодоксией** (набором догматов, которые должен разделять истинно верующий), сколько **ортопраксией** – способом праведной жизни как отдельного человека, так и политического сообщества. Хотя никто прямо не пишет об этом, но воз-

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии госслужбы (РАГС) при Президенте России.

Ключевые слова: ортодоксия, ортопраксия, фетва, исламская политическая концепция, махди, фундаментализм, политизация религии, христианизм, православизм, исламизм, симфония власти, теология освобождения, цезарепапизм, квиетизм.

никает устойчивое впечатление, что другие религии (во всяком случае, христианство, с которым ислам чаще всего сравнивают) ортопраксиями не являются.

Влияние религии на повседневную жизнь

Необходимо затронуть тему, связанную с мифом об уникальности ислама. Имеется в виду вопрос о влиянии религии на повседневную жизнь людей.

Б.Тибби полагает, что политизации ислама способствовал тот факт, что ислам, несмотря на свое временное отступление из мира политики (когда он был вытеснен светским национализмом), сохранился, тем не менее, как культурная система, оказывающая влияние на повседневную жизнь большинства населения исламских стран³. Эту позицию мы полностью поддерживаем, но хотели бы добавить к ней свой тезис: в своем отношении к повседневной жизни ислам также не уникален.

Православие, как и ислам, всегда мыслилось неотделимым от образа жизни, образа управления и образа хозяйствования.

А.В.Ельчанинов и П.А.Флоренский писали, что православный быт – значит православие, и что “православный православен не только в догматах и, может быть, менее всего в них, а в том, что он не ест прежде, чем не прослушает раннюю обедню, что в праздник он ест пироги, что, не перекрестя лба, он не сядет за стол, что по субботам он парится в бане, словом, живет в определенном быту, что он сын православной культуры”⁴.

До петровских реформ русским было свойственно ничуть не меньшее соединение религии с повседневной жизнью, чем мы это видим в исламе, и каждый дом в России был маленьким монастырем (что отражено в “Домострое”).

Н.А.Бердяев утверждал: “Православие есть, прежде всего, ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики для него не столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идет ложным духовным путем”⁵.

Философ Л.Карсавин писал, что “...для русской души все Божественно. Поэтому разделение светского и религиозного для нас прямо непонятно: недаром... большевицкий коммунизм тоже своего рода религия”⁶.

Для того, чтобы понять основные различия между христианством и исламом, проанализируем способы регулирования повседневной жизни.

В православии нет института **фетв*** и никто не станет отрицать, что “юридизм”, то есть стремление зафиксировать все в качестве законодательных норм – отличительная черта ислама.

Но есть и другие способы регулирования повседневной жизни человека, помимо фетв.

В православии это – советы православного священника, которые он формулирует самостоятельно, опираясь на священные тексты.

Если приобрести в любой церковной лавке России сборник таких советов, то можно испытать не меньшее удивление, чем при чтении многотомных сборников фетв. Так, православным объясняют, например, можно ли есть в пост быстрорастворимую лапшу? Можно ли держать иконы в комнате, где спит собака**? Можно ли пользоваться кредитными карточками?

Мусульманин, прочитав любую книгу из серии “Скажите, батюшка” решит (в

* Фетва – заключение богословов и правоведов, разъясняющих какой-либо вопрос толкованием норм шариата для дальнейшего применения сделанных выводов в практической жизни мусульманина.

** В православии, как и в исламе, собака считается нечистым животным. Если в церковь забежала собака, это рассматривается как осквернение. На кошек данное правило не распространяется.

силу своего опыта жизни в исламской общине), что перед ним – православный сборник фетв!

Все религии содержат в себе ортопрактический компонент, и ислам не является уникальным в этом отношении.

За всем этим забывается, что, помимо ортопраксии, в исламе есть и ортодоксия: это “шесть столпов веры” (Аркан аль-Иман), каждый из которых разворачивается в систему сложных теологических построений, иногда обоснованных рационалистически, а иногда – мистически.

Известный российский исламовед А.А.Игнатенко отрицает, что к исламу можно применять христианские термины “правоверие” (ортодоксия) и “ересь”, так как в исламе ничего подобного нет⁷.

Нам представляется, что в исламе все же есть некоторые догматические принципы, расхождение с которыми ставит верующего вне ислама (например, если кто-нибудь не признает Мохаммеда посланником Бога).

Тему уникальности ислама охотно подхватили западные исламоведы и другие специалисты по изучению религий.

Британский ученый Дж.Хейнс, например, пишет: “Ислам – уникальный исторический случай религии, одновременно ос-

нованной как религиозное харизматическое сообщество спасения и как политическое сообщество”⁸.

Американец арабского происхождения М.З.Хусейн полагает, что ислам – “интегрированная и целостная система верований, управляющая всеми аспектами жизни мусульманина, не проводящая различий между религиозными и политическими обязанностями... Христианское теоретическое различие между царством Бога и царством Кесаря отсутствует в исламе”⁹.

Те же идеи утвердились в современной российской общественной науке.

“Актуальность исламского фактора в политике обусловлена спецификой самого ислама, в котором нет деления на светское и духовное начала – в этом смысле ислам в самом деле представляется «totalной религией»... только в исламе есть свод законов – шариат, который жестко регламентирует образ жизни и индивида, и общины” – пишут А.Малашенко и Д.Тренин¹⁰.

Данная цитата заставляет предположить, что остальные религии “totalными” не являются. Более того, похоже, ислам выпадает из определения религии, данного Дюркгеймом: в нем отсутствует деление на сакральное и профанное. Что касается уникальности шариата, то, по нашему мнению, религиозный закон иудаизма (Галах) является его полным аналогом.

Исламская политическая концепция

Прежде чем перейти к опровержению тезиса об уникальности ислама, попробуем вкратце изложить исламскую политическую концепцию. Мы будем говорить даже не о государстве, а об “исламской политике”, помня, что в принципе ислам считает разделение на государства неизбежным злом.

Исламское представление о политике исходит из строгого единобожия (*таухид*). Единственным властителем

мира является только Бог, и это относится не только к общему ходу природных событий, но и к политике.

“Исламское государство должно быть во всех отношениях основано на законе, низведенном Богом через Его Пророка. Правительство, которое управляет таким государством, будет обязывать народ к повиновению в своем качестве политического органа, созданного для того, чтобы претворять в жизнь законы Божьи, – но лишь в той степени, в какой оно будет

действовать в этом качестве. Если правительство пренебрежет законом, ниспосланным Богом, его распоряжения не будут для верующих обязывающими” – писал видный идеолог политического ислама Сайид Абуль Аля Маудуди¹¹.

Таким образом, верховным сувереном является Бог, а глава политического сообщества (*халиф*) – наместник Бога, призванный проводить его волю. Глава исламской политики должен быть праведником, а смысл государства – обеспечить наилучшие условия для спасения душ подданных. Таким главой был Мухаммад; такими были праведные халифы. В результате сакрализации власти халифа сунниты стали рассматривать его как “тень Аллаха на земле”.

“В исламской форме правления Пророк халифы и все остальные руководствовались законом Аллаха, и процесс этот будет продолжаться до Страшного суда” – можно прочесть в трудах аятоллы Хомейни¹².

Праведный халиф объединяет в своем лице духовную и светскую власть. У мусульман нет священства, но в христианском понимании это означает объединение функций властителя и первосвященника. Мухаммад был одновременно проповедником и лидером сообщества мусульман (*умма*). В шиизме праведный правитель именуется имамом.

Представление о праведном правителе присутствует и в мусульманской эсхатологии. Примечательно, что ни в тексте Корана, ни в самых авторитетных хадисах не встречается слово “**махди**” – мессия, спаситель. Тем не менее, часть мусульман верит в махди – последнего праведного халифа, который, явившись накануне Страшного Суда, вернет людям утраченную веру. Для шиитов вера в махди, которого они считают последним имамом, стала догмой.

Итак, основные черты исламской формы правления (вне зависимости от того, осуществляется она в форме государства или нет) заключаются в следующем:

- политическое сообщество строится на принципах исламского права (шариата);

- глава этого сообщества является одновременно духовным руководителем, поэтому он обязан быть праведным;

- цель существования политического сообщества заключается в создании оптимальных условий для спасения души верующих;

- сообщество осознает свою обособленность и воспринимает окружающий мир как враждебный, с которым находится в состоянии войны.

Но в этих представлениях ислам не уникален. Об этом говорят, в первую очередь, исследователи ислама, которые пытаются очистить эту религию от обвинений в том, что она “имплицитно” порождает фундаментализм и терроризм.

Известный немецкий (арабского происхождения) исследователь политического ислама Б.Тибби сожалеет, что “при упоминании о фундаментализме многие европейцы сразу же думают об исламе, поскольку европейские средства массовой информации сообщают исключительно о террористических актах исламских фундаменталистов...При этом, “фундаментализм как политизация религии... представляет собой глобальное явление, которое встречается почти во всех мировых религиях”¹³.

Мы ни в коей мере не пытаемся доказать, что “все религии одинаковы”. Но, как ни странно, различаются религии не столько в сфере ортопраксии, сколько в сфере ортодоксии.

Английский писатель и католический теолог Г.К.Честертон, размышляя на эту тему, сформулировал принцип: “Религии

не очень отличаются обрядами, они страшно различны в учении"¹⁴.

Религии "страшно" различны в учении, но столь же "страшно" совпадают в своей политической интерпретации. Христианство, ислам, иудаизм, индуизм – не похожи, но порожденные ими религиозные идеологии поражают своим сходством.

У всех религий есть еще одна общая черта, которую необходимо обрисовать для целей данного исследования.

Религия всегда является тотальным мировоззрением, определяющим образ жизни человека, политическое устройство общества, экономическую жизнь, базовые ценности культуры и т.д.

Ислам и христианство

Сравнивая ислам с христианством, мы попытаемся уйти от распространенного утверждения, что все христианство на протяжении всей истории, якобы, основывалось на четком разделении духовного и светского, религии и политики, Бога и Кесаря. Это утверждение настолько распространено, что никто не пытается его доказать, ссылаясь на него как на общеизвестную истину.

Например, А.В.Малашенко пишет, что в христианском мире нет религиозно-политического направления, тождественного исламу, нет "христианизма", "и уж конечно" никакая политическая сила "не ссылается постоянно на выдержки из Библии при изложении политических программ"¹⁵. Он также не видит в христианстве фигур, равнозначных исламистским идеологам Абд аль-Ваххабу или Сайиду Кутба.

Нам кажется, что православные политические философы, например, И.Ильин, И.Солоневич, Л.Тихомиров, Н.Устрялов не уступают С.Кутбу ни по степени религиозности, ни по радикализму, ни по объему цитирования Св.Писания и Св.Предания (кстати, творили они примерно в то же время, что и С.Кутб).

Каждая религия претендует на обладание вечной истиной. Для религии нет понятия "частная жизнь". Если религиозное мировоззрение не является тотальным, оно не религиозно.

Разумеется, можно практиковать религию как культ, не имея при этом религиозного мировоззрения (то, что социологи называют "обрядовой религиозностью").

Можно не иметь мировоззрения и не практиковать культа, но считать себя католиком или православным "по культуре".

Но если у человека в принципе есть религиозное мировоззрение, оно должно быть тотальным.

В мире действует множество христианских политических движений, которые при изложении своих политических программ ссылаются на Библию. Существует и понятие "христианизм" (а значит, есть и явление), которое употреблялось в прессе в связи с сандинистской революцией 1979 г. в Никарагуа.

В современной российской прессе можно периодически увидеть слово (не будем пока называть его "термином") "православизм". Впервые это слово употребил (опять же, не как термин) русский философ С.Булгаков в одном из писем и теперь оно постепенно входит в активный политический словарь.

Православизм – это то самое религиозно-политическое направление в христианстве, которое тождественно исламу.

Начнем с того, что христианство не едино, и различия суннитов/шиитов иногда кажутся малозначительными по сравнению с обилием богословских, ритуальных, юридических, экклезиастических и прочих различий между православием, католичеством и протестантизмом. Однако при этом подобные исламским представления об идеальном устройстве политического общества были исторически присущи и

православию, и католицизму, которые считали светскую власть неотделимой от духовной, а политического лидера – наместником Бога, ответственным за

спасение душ подданных. Фундаментализм во всех религиях являет собой мировоззрение, основывающееся на “божественном порядке”.

Политическая концепция православия

В православии и в католицизме значительное место занимает идея наместничества – представление о земном властителе как наместнике Христа на Земле. В политических представлениях христиан доминирует идеал царя-первосвященника, восходящий к образу библейского царя Давида.

Интересно, что к Давиду (Дауду) отсылает и Коран, когда в нем поднимается идея правителя – наместника Бога: “О Дауд, Мы сделали тебя наместником на земле: суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха!” (Сура 38, аят 25).

Начнем с исторического анализа политической концепции православия.

Византийская империя, постулировавшая свое происхождение как земной образ Царствия Небесного, представляла собой “политико-эклизиастический институт”. Вместо якобы присутствующей всем формам христианства идеи разделения светской и духовной власти мы находим здесь концепцию так называемой “симфонии властей”, впервые отмеченную в Кодексе византийского императора Юстиниана I Великого в 534 г.

Принцип “Симфонии Властей” заключается в том, что имперская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии), по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа “нераздельны и неслиянны”.

“Теория симфонии властей не предусматривала взаимоотношений между двумя властями или двумя юридическими порядками, речь шла о двух аспектах единой христианской монархии как образа

Царствия Небесного” – поясняет Л.А.Андреева¹⁶.

Считается, что Византийская империя реализовала принцип симфонии на практике. В реальности, конечно, имели место противоречия между двумя участниками “симфонии”. Поэтому западные наблюдатели часто отрицали факт ее существования, обозначая византийскую систему как “цезарепапизм”, намекая на доминирование императорской власти над патриаршей. Тому есть много исторических подтверждений, в частности то, что император получал власть не от патриарха, а непосредственно от Царя Небесного; патриарх же “поставлялся” императором. “Византийская политическая теология провозглашала, что император действует, царствует и живет “во Христе”, его деятельность божественна, его правление – совместное с Христом.

Доктрина симфонии развивалась и усложнялась со временем. Некоторые ее положения, в частности то, что две власти выделялись все-таки отдельными друг от друга, дают дополнительные аргументы сторонникам точки зрения об уникальности ислама. Но идея симфонии предполагает, что обе власти имеют одну и ту же цель, и эта цель религиозная: привести народ к спасению души. В этом смысле император – такой же религиозный деятель как патриарх, только действующий иными средствами. Церковь не берет на себя земной власти, но “преобразует монарха в православного царя – помзанника, народный быт – в быт воцерковленный, население страны – в православный народ”¹⁷, что дает религии значительно

больше влияния, чем прямое участие представителей церкви в управлении государством.

Византийские императоры принимали непосредственное участие в богослужении и имели право разрешать религиозно-канонические вопросы, например, отменять решения Вселенских Соборов или причислять к лику святых (например, император Лев VI Мудрый причислил к лику святых своих покойных жен), самолично провозглашать церковные анафемы. Согласно Кодексу Юстиниана, законы государства строятся в соответствии с религиозными канонами, что, на наш взгляд, демонстрирует наличие в православии аналога шариата. Продолжая сравнение с исламом, можно сказать: в то время как праведный халиф совмещает в одном лице духовного и политического лидера, концепция симфонии предполагает двух разных лидеров, стремящихся к одной религиозной цели. “Удвоение” лидера не означает отделения религии от политики, хотя и вносит некоторые нюансы в отношения церкви и государства.

Принцип симфонии переняла от Византии православная Русь. В эпоху Ивана Грозного оформилась теократическая доктрина власти, согласно которой князь Московский был не просто силой Бога на земле, а его “живым образом” на земле – мессией всего народа Божьего.

Известный русский философ-эмигрант Николай Зернов рассматривает Московскую Русь как государство, целью которого было “спасение людей, доверенных его заботам”, а также государство, включающее всех православных христиан, где бы они ни жили и чьими поданными ни были на самом деле. В начале XVI в. эти доктрины поддерживались Иосифом Волоцким, который полагал, что царь должен заботиться о душевном спасении своих

подданных и даже всего человеческого рода.

Формирование религиозно-политической концепции “Москва – Третий Рим” началось еще в конце XV в. в “Изложении пасхалии” митрополита Зосимы (1492 г.). Однако считается, что свое оформление она завершила в посланиях псковского монаха Филофея (20-е годы XVI в.). Земное царство (“Ромейское царство”) он понимал как земной образ Царствия Небесного.

Первый Рим пал из-за того, что католики исказили православную догматику и ритуалы. Второй Рим – из-за предательства православия в результате Флорентийской унии (1439 г.) Концепция Третьего Рима стала духовной основой всего последующего процесса развития российской государственности. Уже Иван Грозный начал имитировать византийскую модель, выступая на церковных соборах и “поставляя” на патриаршество. Церковные соборы собирались только по особому повелению царя, а их постановления получали законную силу только после одобрения царем.

Параллельно идет реализация российской мессианской идеи. С XVII в. Россия, по мнению Н.Зернова, становится истинной защитницей православных христиан, в нее устремляются православные беженцы из Польши и Османской империи. По этой причине необходимы были реформы Никона, уничтожавшие чисто русскую обрядность и вводившие греческие ритуалы как более универсальные. Чтобы стать политическим центром православного мира, Россия должна была расширить свой кругозор и смирить свою национальную гордость.

Никон был единственным в российской истории патриархом, который пытался уйти от византийского “цезарепапизма” и сделать себя равным царю. Никон именно себя, а не царя,

считал образом Христа, а с 1653 г. он начал титуловать себя, как царь, “Великим Государем”. Однако его попытки оказались тщетными. Тем не менее, мы полагаем, что в истории православия Никон – политическая фигура, вполне равнозначная тому же Абд аль-Ваххабу.

На протяжении веков политизированное православие порождало и порождает харизматических лидеров, сравнимых с Кутбом, Ваххабом и Хомейни. В наше время конфликт в Боснии-Герцеговине, вылившийся в полноценную этнорелигиозную войну, вывел на авансцену таких лидеров как Радован Караджич, который полагал, что его действия и выступления вдохновлены Святым Духом.

Начиная с Петра I, который ликвидировал патриаршество и подчинил церковь государству, Россия перестает быть идеократическим государством и политическим центром для православных всего мира. В этом – одна из причин поддержки народом социалистической революции, которая вновь дала русским возможность ощутить себя носителями универсального послания. Петр I предпринял меры по десакрализации царской власти и переходу к европейской (секулярной) системе ее легитимации. Целью государственной власти было объявлено не спасение подданных, а достижение всенародной пользы, всенародного блага. Петр I оставался верующим человеком, однако его религиозность носила, как отмечают современные исследователи, несколько протестантский характер (ан-

тиклерикализм, борьба с церковной роскошью, отрицание чудес).

В то же время, другие авторы отмечают, что мессианская идея создания православного содружества никогда не оставляла Россию. Во времена Екатерины Второй возникла идея воссоздания Византийской империи, достигающей границ православного Востока и даже классической Греции. Эта идея находила постоянное отражение во внешней политике России (например, оказание поддержки греческому восстанию против османов в 1763 г.).

Не следует считать, что идея симфонии властей в православной доктрине умерла вместе с Византийской и Российской империями. Она активно разрабатывается современными православными интеллектуалами.

В феврале 2009 г., обращаясь к Президенту России Д.А.Медведеву, Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл напомнил о симфонии как модели церковно-государственных отношений: “В новых условиях мы сознаем невозможность осуществления этого идеала, который родился в I тысячелетии, но с другой стороны, мы, как Церковь, сознаем необходимость, чтобы дух симфонии направлял наши мысли и дела в построении модели церковно-государственных отношений”¹⁸.

Поиск формы взаимоотношения власти и церкви в России продолжается. Сказать о том, что в современном мире у православной церкви есть цельная политическая концепция государственно-конфессиональных отношений мы не можем. У государства также нет ни доктрины ни концепции по данной проблеме.

Роль мечети в исламе

Неоднократно отмечалась роль мечети в мусульманском мире как политического и социального центра. Ничего уникального для религиозного учреждения в этой роли тоже нет.

Можно привести пример так называемых базовых христианских общин (*CEBs, comunidades eclesiales de base*), которые создавались в Латинской Америке сторонниками теологии освобождения.

дения. Общины собирались для ознакомления бедняков с учением католической церкви, однако их основная деятельность носила социально-политический характер.

Общины выполняли социальные функции: обучение эффективным методам хозяйствования, постройка домов, помощь голодающим, ликвидация неграмотности и т.д.

Они играли также роль базовых ячеек политической борьбы, вовлекая неорганизованные массы в активный протест.

Политическая концепция католицизма

В западной части Римской империи принцип симфонии не получил распространения.

Сформировавшаяся там католическая церковь во главе с римским понтификом требовала для себя всей полноты власти – светской и духовной. Критики определяют эту концепцию как “папоцезаризм”.

“Под “папоцезаризмом” понимается такая модель власти, когда папа римский, будучи земным владыкой и первосвященником, главой Церкви, *Vicarius Christi* (наместником Христа – Авт.) на земле, сосредотачивает в своих руках как светскую, так и духовную власти”¹⁶.

История католического Запада – это история борьбы между папами и императорами за право считаться единственным обладателем обоих видов власти.

При Карле Великом, например, папство было оттеснено на второй план, а за императором признано право выполнять функцию религиозного спасения подданных. Император созывал церковные соборы, назначал епископов, издавал религиозные декреты.

Тем не менее, еще в V в. на Западе родилась концепция “двух мечей” – духовной и светской властей как самостоятельных сфер, разработанная папой Геласием I. Но эта теория противоре-

В современной России церковный приход также становится центром сначала социальной, а затем и политической деятельности.

При храмах возникают братства, сестричества, а также дружины (которые уже участвуют в патрулировании городских улиц).

В церковных лавках продается политическая литература; проповеди многих священников имеют политические коннотации.

чила христианскому пониманию земного мира как отражения мира небесного:

“Земное должно стремиться к точному отображению небесного образца, а поскольку Царствие Небесное представляет собой монархию и Христос, согласно христианской догматике, соединяет в себе неразрывно ипостаси первосвященника (см.: Евр. 4: 14, 15) и царя Иудейского, то его земное «отображение» не может, по определению, «разделить функции двух властных компетенций»...”¹⁶.

Значительно более актуальной для Средневековья стала теория папы Григория VII (XI в.), который рассматривал государство как низшую сферу Царства Божьего.

Он полагал, что “государство, чтобы стать правомерным христианским союзом, должно слиться с Церковью, поглотиться ею”.

Папа Бонифаций VIII (XIV в.) вернулся к концепции “двух мечей”, но интерпретировал ее в том духе, что оба меча находятся во власти Церкви. Отделение духовной власти от светской означало бы манихейство, дуалистическую ересь.

Конец претензиям католической церкви на политическую власть в Европе положила 30-летняя война и последовавшие за ней Вестфальские мирные соглашения. Однако даже сейчас католическая церковь не прекратила

попыток оказывать прямое влияние на принятие политических решений.

Разумеется, картина взаимодействия современного католицизма с политикой будет неполной без упоминания “прогрессивного католицизма” или **теологии освобождения**. Эта идеология является католическим аналогом исламизма. Теология освобождения стремилась к построению на Земле Царства Божьего путем социалистической революции (именно такой смысл имело слово “освобождение”). Ее сторонники воспринимали грех не как личное деяние человека, а как структурное понятие: быть богатым само по себе считалось грехом, вне зависимости от моральных качеств человека.

В Никарагуа, Сальвадоре, на Кубе священники сражались в партизанских отрядах с оружием в руках. В революционное правительство Никарагуа после 1979 г. вошли 4 священника.

Нужно заметить, что католицизм в Латинской Америке всегда был неразрывно связан с политикой.

В 1927–1929 гг. Мексику сотрясали восстания “кристеро” – крестьян, которыми руководили католические священники. Они называли себя “кристеро”, так как считали, что сражаются непосредственно за Христа. Несколько погибших участников этого восстания (в основном священники, а также несколько мирян) были уже в конце XX в. прославлены католической церковью как мученики.

В целом, как показывает А.В.Митрофанова, католическая церковь, ведущая собственную политическую деятельность, неодобрительно относилась к инициативам снизу. В частности, тео-

логия освобождения подверглась от Ватикана требованиям деполитизации.

В 1979 г., выступая в Мексике, папа Иоанн Павел II заявил, что “противно церковной вере, будто бы Иисус Христос был причастен к политике, выступая против римской власти и господ и даже вступал в классовую борьбу”¹⁹.

Но эти требования не влияли на распространение теологии освобождения как в Латинской Америке, так и в других католических регионах (она получила определенную популярность на Филиппинах).

В 80-е годы XX в. было объявлено об упадке, если не о полном исчезновении теологии освобождения, но эти утверждения оказались преждевременными.

В 2006 г. президентом Никарагуа вновь стал лидер Сандинистского фронта национального освобождения Даниэль Ортега, который никогда не скрывал, что является сторонником теологии освобождения.

О приверженности этой идеологии открыто заявляет и президент Венесуэлы Уго Чавес, автор концепции “Социализма XXI века”, “Иисус Христос, несомненно, был исторической фигурой – он был повстанцем, одним из наших, антиимпериалистов. Христос был революционером. Он восстал против религиозных иерархий. Он восстал против экономической власти того времени. Он предпочел смерть для защиты своих гуманистических идеалов, и он жаждал перемен. Он был нашим Иисусом Христом” – утверждает Чавес, повторяя основные постулаты прогрессивного католицизма²⁰.

Католицизм оказал и продолжает оказывать громадное влияние на политические процессы в Европе и Латинской Америке.

Протестантизм о сакральном и обыденном

В протестантизме представления о сакральном и профанном были несколько иными, чем у православных и католиков, но предполагали точно

такое же ощущение неразрывного единства мира духовного и мира земного. При отсутствии Церкви каждый человек ощущал себя как проводника

Божественной воли. Люди с таким мировоззрением основали Соединенные Штаты Америки. Пуритане, прибывшие в Америку из Англии, рассматривали себя не просто как адептов определенных взглядов, а как носителей божественной миссии всемирно-исторического масштаба.

Они почитали Ветхий Завет значительно выше Нового, так как именно эта часть Библии в наибольшей степени связывает религию с практической жизнью. В Ветхом Завете им также импонировала идея избранничества, мысль, что они предназначены к спасению.

Заканчивая краткий обзор политических концепций различных религий, добавим, что не все теоретики Нового Времени признавали неразрывность единства политики и религии в исламе. Смысл исламского модернизма или реформаторства заключался именно в очищении ислама от политики и превращении его в религию личного спасения. Ислам является уникальной религией в той же степени, как и любая другая религия: христианство, иудаизм, буддизм. Как в исламе, так и в других религиях есть политический компонент. Связь религии с политикой в истории человечества была неразрывной. Эта связь остается даже в тоталитарных государствах.

В исламе есть направление политического квиетизма*.

В Советском Союзе квиетизм во всех религиях поощрялся государством и это принесло свои плоды. До сих пор для официальных представителей духовных управлений мусульман в России и большинстве стран СНГ характерно стремление видеть в исламе сугубо религиозную, культовую сторону. Лидеры политического ислама резко выступали против квиетистов.

По их вине, полагал Хомейни, Коран, который является "Книгой нашей жизни" исполвался только "на кладбищах и поминках".

В рамках русского православия тоже выделились две противостоящие друг другу позиции. Одна настаивает на полном квиетизме Церкви и вообще православных людей, другая столь же жестко требует от православия участвовать в политике. Но сколько бы официальные религиозные лидеры и богословы ни настаивали на недопустимости политизации православия, социально-экономическая си-

Целью пуритан было построение общества, согласованного с религиозными принципами.

Джон Уинтроп, первый губернатор Массачусетса, писал: "Посему должны мы иметь в виду, что будем подобно городу на холме; взоры всех народов будут устремлены на нас"²¹.

Идея "города на холме", Америки как нового Сиона, центра мира и примера для всех народов стала неотъемлемой частью национального сознания американцев, даже после того, как пуританские традиции были забыты. Отцы-основатели США апеллировали уже не к пуританству, а к деизму в духе Руссо.

* **Квиетизм** (от лат. *quietus* – спокойный) – неортодоксальное течение в католицизме, центрирующееся вокруг презумпции душевного покоя – *quies* (культурно-типологический аналог в рамках православия – более ранний исихазм). Оформляется в XVII в. Основоположник – испанский теолог Мигель де Молинос (ок. 1628–1696 гг.), выступивший с проповедью мистического учения, согласно которому единение с Богом возможно как апофеоз безмятежности, проявляющейся в отрешенности души, прошедшей через "акт самоотречения" от всех сует, включая и озабоченность собственным спасением (сравните с требованием "незаинтересованности любви" к Богу, акцентированным в суфизме – Авт.).

туация складывается так, что даже очень религиозные люди не могут оставаться вне политики. И если РПЦ самоустранился от процессов политизации снизу, она рискует потерять то доверие народа, которое постоянно демонстрируют результаты социологических опросов.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. С. 12.
- ² *Хомейни Р.* Речь шестьдесят вторая // Жуков Д. Небо над Ираном ясное. М.: Палея-Мишин, 1999. С. 293.
- ³ *Tibi B.* The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder. Berkeley. University of California Press, 1998. P. 77.
- ⁴ *Ельчанинов А.В., Флоренский П.А.* Православие / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 151.
- ⁵ *Бердяев Н.А.* Истина Православия / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 387.
- ⁶ *Карсавин Л.П.* О сущности Православия / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 228.
- ⁷ *Игнатенко А.А.* Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А.Малашенко и С.Филатова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 187.
- ⁸ *Haynes J.* Religion in Global Politics. L., N.Y.: Longman, 1998. P. 127.
- ⁹ *Husein M.Z.* Global Islamic Politics. N.Y.: Harper & Collins College Publishers, 1995. P. 27, 31.
- ¹⁰ *Малашенко А., Тренин Д.* Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. С. 69.
- ¹¹ *Маудуди Сайид Абуль Аля.* Политическая теория ислама // Отечественные записки. 2003. № 5.
- ¹² *Хомейни Р.* Столпы исламского государства // Отечественные записки. 2003. № 5 // www.strana-oz.ru/?numid=14&article=678
- ¹³ *Тибби Б.* Политизация религии // Internationale Politik. № 2. 2000. // www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2000-02/article04.html
- ¹⁴ *Честертон Г.К.* Ортодоксия // Честертон Г.К. Вечный человек. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 452.
- ¹⁵ *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006. С. 64.
- ¹⁶ *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007. С. 142, 86, 113.
- ¹⁷ *Ключарева А.В.* Принцип “симфонии” в отношениях Церкви и государства в Византии IV–IX вв. Вестник № 1. Кафедра теологии Тульского государственного университета // www.theologia-tula.ru/library/vest1/simphonia.php
- ¹⁸ Патриарх Кирилл напомнил Президенту о симфонии властей // Русская линия. Православное информационное агентство // www.rusk.ru/newsdata.php?idar=730102
- ¹⁹ Цит. по: *Митрофанова А.В.* Политизация православного мира. М.: Наука, 2004. С. 98.
- ²⁰ Цит. по: Теология освобождения // Католическая энциклопедия. Сайт “Католическая Россия” // www.catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=683
- ²¹ Цит. по: *Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. М.: Высшая школа, 1989. С. 58.